

НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА ПОСЛЕ АНТИНОРМАТИВНОГО ПОВОРОТА

Е.В. Беляева, г. Минск, Беларусь

Утверждение об антинормативном повороте, совершившемся в этике XIX века и ознаменовавшем ее переход к неклассическому типу научного знания, стало общепризнанным и вошло в учебники [1, с. 673]. «Философия фактически сняла с себя обязанность указывать путь этически достойного существования. Философские учения или в качестве сознательной установки, или по факту перестали предлагать этико-нормативные программы» [2, с. 24], – сетует А.А. Гусейнов. Большинство этических теорий конца XX – начала XXI века, по-прежнему избегают развернутых нормативных программ и формулирования нравственных предписаний, подобных «золотому правилу нравственности» или «категорическому императиву. Однако, нельзя сказать, что все проблемное поле неклассической этики сводится к критике морали, анализу языка морали, деконструкции морали и проч. Поиски нормативности, адекватной современному типу моральных субъектов, не прекращаются.

Во-первых, продолжают попытки откорректировать «золотое правило нравственности» применительно к реалиям современного общества, в котором индивидуализм из количественной характеристики

(«стало больше индивидуализма») перешел в новое качественное состояние: из принципа морали он стал методологическим индивидуализмом. Личность оказывается главным субъектом, способным к созданию и обоснованию морали. Нормативные предписания старого типа, приводящие отклоняющихся индивидов «к норме», утратили всякую действенность. Если прежде благодаря принадлежности к социальной группе индивид обретал идентичность, а потому исполнение моральных норм обеспечивалось либо традицией, либо прагматической заинтересованностью человека, то нынешний модульный мультипликационный субъект спонтанно примыкает к сообществам и расстается с ними. Именно этот индивидуальный субъект постоянно производит свои социальные связи и njih нормативность. В такой ситуации новое «золотое правило» современного мира Э. Этциони формулирует так: «уважай и поддерживай нравственный порядок в обществе, если хочешь, чтобы общество уважало и поддерживало твою независимость» [3, с. 319]. Нравственный порядок в обществе оказывается той самой общей нормативной рамкой, которая обеспечивает главную нравственную ценность человека – его неповторимость. Сходным образом, М. Эпштейн испытывает потребность дополнить «золотое правило нравственности» – «алмазным»: «Действуй так, чтобы ты сам желал стать объектом данного действия, но никто другой не мог стать его субъектом» и «Делай то, что каждый должен был бы сделать на твоём месте, но чего никто не может сделать вместо тебя» [4, с. 759]. Так универсальность прежней формулировки дополняется идеей уникальности действующего субъекта и той ситуации, в которой он находится.

Во-вторых, отказ от обоснования нормативных программ касается в основном морали как сферы межличностных отношений. Усилия теоретиков не направлены на поиск новых нравственных правил, ибо по большому счету простые правила морали за тысячи лет не претерпели особых изменений и, умудренные архетипами коллективного бессознательного, индивиды теперь могут сами налаживать нравственные отношения на микроуровне. Так норма «не убивай» в её абстрактной постановке не нуждается в каком-то особом обосновании. Проблема в том, что, несмотря на обилие замечательных правил (и даже их применение людьми как конкретными лицами), практика жизни человеческих сообществ остается далекой не просто от идеала, но даже от сколько-нибудь удовлетворительного состояния. Великая немецкая философия и этика, усвоенная каждым немцем в школе, не стала противоядием против нацизма. Народы, имеющие древнейшую этическую культуру, ведут несправедливые войны, страны, выработавшие самые прогрессивные принципы «правильной жизни», оказываются источником кошмара для

всех остальных. Поэтому задача современной нормативной этики концентрируется в области общественной морали, в области создания правил, по которым могли бы взаимодействовать не индивиды, а сообщества и общества. В глобальном мультикультурном мире это становится совершенно необходимым.

Ответом на эту потребность стала, например, теория Дж. Роллза, в которой он, формулируя принципы справедливости, старается перекинуть мостик от «исходной ситуации», в который выбор совершает рациональный и свободный индивид, к справедливости как добродетели социальных институтов. Не случайно впоследствии Дж. Роллз стремится расширить применение своей теории за пределы отдельного государства и формулировать принципы справедливости отношений между народами, без которых никакая нормативная теория не является законченной и удовлетворительной.

Этика дискурса Ю. Хабермаса также направлена не на разрешение проблем в однородном нравственном сообществе, но призвана найти принципы организации морального дискурса в условиях многообразия нормативных систем. Этика, как никогда, ощущает свою связь с политикой, стремясь не навязать политике невыполнимые для нее нормы абсолютной морали, но обнаружить этику самой политики, те правила, руководствуясь которыми сообщества и государства смогут разрешить свои проблемы.

Коммунитаризм как антитеза либеральным концепциям, казалось бы, рекомендует возвращение к этике замкнутого сообщества и утверждает неустранимую и морально плодотворную историко-культурную причастность индивида. Но именно коммунитарист М. Уолцер является автором классического текста по проблемам толерантности в глобальном мире [5].

Во всех этих концепциях формулируются нормы и принципы в области этики, но они касаются не столько поведения напрямую, сколько регулируют способы взаимодействия различных моральных стратегий, устанавливают правила принятия решений в условиях многообразия.

В-третьих, явный нормативный характер носит современная прикладная этика, которая не только не чуждается нормативности, но полагает моральный кодекс обязательным институтом своего функционирования. Все новые сферы человеческой деятельности стремятся к самосознанию, к обоснованию этой деятельности в качестве блага, обзаводясь в результате этическими кодексами.

Наконец, антинормативный поворот в этике может рассматриваться как симптом поворота в самой морали, столь значительного, что ее нормы остаются не устоявшимися, а потому не артикулированными.

Пока, однако, все попытки нормативного конструирования на метафизическом, а не прикладном, уровне, апеллируют не к будущему, а к прошлому, пытаются реставрировать самые консервативные моральные программы. Куда более плодотворным был бы вариант морального не-отрадиционализма, восстановления в общем-то известных моральных норм в новом регулятивном контексте, с иным обоснованием и мотивацией; морали, рассчитанной на современных гипериндивидуальных субъектов.

Таким образом, и после антинормативного поворота нормативная этика продолжает развиваться, создавая новые формулировки «путей правильной жизни» для современного мира, а также находя новые предметные области в сфере общественной морали и прикладной этике.

Литература:

1. История этических учений : учебник / под ред А.А. Гусейнова. – М. : Гарда-рики. – 911 с.
2. Гусейнов, А.А. Философия как этический проект / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2014. – № 5. – С. 16–26.
3. Этциони, Э. Новое золотое правило: сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под. ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 312–334.
4. Эпштейн, М. Стереозтика: двойственность добродетелей и алмазно-золотое правило / М. Эпштейн // Знак пробела. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – С. 745–760.
5. Уолцер, М. О терпимости : пер. с англ. И. Мюрнберг. – М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 160 с.